

**«КОННОСТЬ, ЛЮДНОСТЬ,
ОРУЖНОСТЬ И СВРУЙНОСТЬ»
СЛУЖИЛЫХ ГОРОДОВ ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ**

С избранием Земским собором 1613 г. государем всея Руси Михаила Федоровича Романова начался сложный процесс восстановления русской государственности во всех ее ипостасях. Разворованная, разоренная и униженная в годы Смуты и иностранной интервенции Россия неторопливо, но неуклонно вставала с колен. Глаза боялись, руки делали... Повседневным трудом и службой русский народ, сплачивая и вдохновляя своим житейским примером другие народы страны, одолел-таки разруху, социальную рознь и восстановил, в пределах возможного и, порой, невозможного, хозяйство и обороноспособность нашей Родины. И уже через полвека Россия не только вернула свое прежнее геополитическое положение на западных рубежах, но и стала мощной евразийской державой. А восстанавливать-то порушенную страну приходилось во многих случаях практически заново.

Полтора десятка лет смутного времени и польско-шведской интервенции вконец разрушили поместную систему как основу самообеспечения ратной службы помещиков за счет крестьянских платежей. Теперь почти поголовно пустопоместное, а в иных случаях и беспоместное дворянство не могло «подняться» на государеву службу без денежного жалованья из государственной казны.¹ Непростая ситуация сложилась для разоренной страны. К расходам на содержание стрелецкого войска и гарнизонных служилых людей прибавились расходы, и немалые, на выплаты денежного жалованья помещикам. Но правительство новой династии в конце-концов взялось за решение и этой проблемы. В данном случае одновременно сработали попечительская функция русского государства и, в конечном счете, здравый смысл. Надо признать, что Романовы на этом этапе, спасая поместную систему, спасли страну от повторения Смуты. Ведь один из главных уроков недавнего горестного прошлого состоял как раз в том, что развал государственности стал приобретать катастрофическое ускорение по мере втягивания в Смуту служилых городов.

Восстановление поместной системы осуществлялось по нескольким направлениям. Сначала были разовые выплаты денежного жалованья отдельным служилым городам по тому или иному случаю.² Затем, после возвращения Филарета Никитича в 1619 г. из польского плена, был взят курс на долгосрочные и широкомасштабные налоговые льготы для помещиков: обеление барской пашни, переход

в 1620–1632 гг. к взиманию налогов только с обрабатываемой крестьянами и бобылями пашни, т. е. с «живущей чети».³ Все эти меры вместе с интенсивной правовой разработкой накопившихся проблем поместно-вотчинного землевладения, службы с поместий и вотчин и т. п. призваны были создать условия для первоочередного выхода из разорения поместий и вотчин. Попечительством патриарха Филарета в июле 1621 г. в качестве экстренной меры по поднятию боеготовности служилых городов была предпринята массовая раздача денежного жалованья служилым людям "на нынешней, на 129-й год для их бедности". В наказе новгородскому воеводе и дьякам прямо указывается инициатор данной акции: «... великий государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси для печалования отца своего, великого государя, святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси, их (помещиков всех пятин — В. В.) пожаловал, велел им дати свое государево денежное жалованье: больших статей по 10 рублей, а з 10-ти рублей по окладом сполна». Финансирование дальней конной службы помещиков из казны стало до второй половины 1630-х годов главным источником поддержания боеготовности, хотя и не всеобъемлющей, служилых городов.⁵ Но возможности государственной казны в условиях разоренной страны были невелики. По этой причине жалованье выплачивалось не всем пригодным к службе, а только тем, кто мог, получив жалованье «подняться на конную службу», про остальных же тогда говорилось: «служити им новгородцкие и ближние службы пешими, а полковые конные службы их, за бедностью, и з государевым жалованьем не будет».⁶

Долговременные правительственные меры по обеспечению выхода поместной системы из состояния разоренности стали приводить к ожидаемым результатам во второй половине 1630-х годов. Так в государственной грамоте 1638 г. новгородскому воеводе и дьякам поручалось совместно с окладчиками всех пятин выбрать для «государевы береговые службы» 1000 человек «добрых и поместных и прожиточных людей».⁷ Данный факт означает, что впервые за последние 17 лет в качестве критерия пригодности к дальней конной службе в приказной документации вновь появляется понятие «прожиточности» помещиков, которое заключало в себе наличие в поместьях и вотчинах крестьян и бобылей, что, в конечном счете, свидетельствовало о глубинных сдвигах в лучшую сторону в экономике страны происшедших за 25 лет правления Романовых.

Ключевые показатели состояния поместного войска, заложенные в образной формуле «конность, людность, оружность и сбруйность», применительно к новгородским служилым городам получены по материалам трех первых после Смуты смотров: 1621,⁸ 1631⁹ и 1638¹⁰ годов.

Прежде всего выявим общий уровень «конности» служилых городов в его количественном и качественном выражениях.

Первый показатель уровня «конности» определяет какая часть от общего числа пригодного к службе и не занятого в данное время на различных должностях «у государевых дел» дворянства могла по своему материальному положению быть на дальней полковой конной службе. Итак, после июльской 1621 г. денежной раздачи, в значительной мере поднявшей готовность новгородского дворянства к службе, в числе конных оказалось 29,4% (табл. 1) служилых людей. Через 10 лет, в канун Смоленской войны, доля конных служилых людей увеличилась более чем вдвое и уже составляла 67,0%. Столь динамичный прирост был обеспечен в основном денежными выплатами из государственной казны. После же неудачи Смоленской кампании 1632–1634 гг. интенсивность этих выплат понизилась. Но к этому времени уже заработал другой фактор — постепенное оживление помещичьих хозяйств, что предопределило устойчивость уровня боеготовности служилых городов. Смолтр 1638 г. выявил готовность к конной службе, обеспеченной уже крестьянскими платежами, у 62,4% новгородских помещиков.

Другой показатель, заложенный в понятии «конности» дворянской службы, определяет наличие запасных («простых») лошадей, что являлось, согласно формуле «в дальний поход о дву конь» Уложения о службе 1556 г., непременным условием дальней полковой службы. В 1621 г. только 2,5% конных дворян и детей боярских могли выйти в поход, имея запасных лошадей. В дальнейшем этот показатель неуклонно повышался: в 1631 г. до 8,2%, в 1638 г. до 12,9%. Однако и в этих условиях обеспеченность дворянской конницы запасными лошадьми оставалась явно недостаточной для того, чтобы она могла полноценно решать задачи дальних, стратегических походов. Здесь по-прежнему сдерживающее воздействие оказывал фактор бедности основной массы уездного дворянства в изучаемый период. При скудном достатке едва-едва оживших поместий и вотчин для большинства служилых людей мысль о покупке столь необходимой в боевых условиях запасной лошади превращалась в призрачную надежду. А государева денежного жалованья едва хватало на покупку основной лошади и вооружения, а также на замену имевшейся плохенькой лошади на лошадь лучших боевых качеств.

Третий показатель «конности» службы характеризует боевые качества лошадей. Источники различают среди них шесть типов: конь добрый, конь, мерин добрый, мерин, меринок и меринец. В основе такого деления, помимо холощности, обеспечивавшей более спокойный нрав лошади, лежали, по-видимому, различия (по нисходящей линии) перечисленных типов по основным боевым ка-

Таблица 1
Общая характеристика готовности новгородских дворян и детей боярских к службе в 1621—1638 гг.

Годы	Дворян и детей боярских пригодных к службе										
	дальней полковой конной					ближней и городской пешей		всего			
	в целом	в том числе				кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
		с запасными лошадьми	без запасных лошадей	с запасными лошадьми	без запасных лошадей						
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%		
1621*	354	29,4	9	2,5	345	97,5	849	70,6	1203	100,0	
1631	967	67,0	79	8,2	888	91,8	476	33,0	1443	100,0	
1638	858	62,4	74**	12,9	498	87,1	516	37,6	1374	100,0	

* По 1621 г. имеются данные по 4-м пятинам: Безецкой, Водской, Деревской и Обонежской (разборные десяти по Шелонской пятине не обнаружены).

** Применительно к 1638 г. здесь и далее конкретные данные о "конности, людности, оруженности и сбруйности" приводятся по 572-м служилым людям. Остальные же 286 человек (33,3%), определенные окладчиками к конной службе, на смотр по разным причинам не явились и "сказки" о своей готовности к службе не представили.

чествам: резвости, выносливости и выючности. Справедливость такого предположения подтверждается теми требованиями к боевым лошадям, которые содержит «Боярский приговор о станичной сторожевой службе» от 16 февраля 1571 г. Требования приговора сводились к тому, чтобы *"лошади были добры ... на которых бы лошады мочно, видев людей (неприятелей— В. В.), уезати, а на худых лошадых однолично на сторожа не отпущати"*.¹¹ В принятом в десятиных XVII в. перечне типов лошадей в качестве «добрых лошадей» следует признать первые четыре типа (конь добрый, конь, мерин добрый, мерин), остальные же два типа (меринок и меринец) — «худыми лошадьми». В пользу данного предположения говорит тот факт, что служилые люди при получении государева денежного жалованья предпочитали сразу же заменить своего меринка или меринца на более резвых и выносливых лошадей — на мерина или коня.

Одной из многочисленных иллюстраций по данному поводу может служить, к примеру, разборная запись 1621 г. относительно помещика Обонежской пятины, служившего по городовому списку с поместным окладом в 700 четвертей и получавшего денежное жалованье из Четверти (финансового приказа) в размере 13 руб., Ивана Якимова сына Качалова. «Поместья за ним 373 чети, а в нем непашенных бобылей 8 человек, пришли из Московских городов. Сам про себя сказал: на государеве службе *будет на меринке* с пишалью да с саблюю, доспеху никакова нет, да человек в кошу. А только государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси пожалует, велит дати свое государеве денежное жалованье, *и он будет на мерине добром*, да человек на мерине з боем. А окладчики про него сказали: собою добр, поместье разорено от войны литовских и немецких людей и от русских воров. На государеве службе быти ему так, как сам про себя сказал».¹²

Другое наблюдение того же плана, полученное при анализе многих сотен формуляров разборных десятиных, касается такого важного качества боевой лошади, как выючность. Речь идет о том, что вооруженности всадника 2-мя или 3-мя пишалами (общим весом соответственно 12—16 кг и 18—24 кг) всегда соответствовали лошади первых четырех типов, в противном же случае, когда под всадником был меринок или меринец, в комплекте его оружия больше одной пишала не бывало.

Основным содержанием перемен в оснащении боевыми лошадьми новгородских дворян и детей боярских, произошедших в изучаемый период, стало постепенное вытеснение из служебного обихода дворянской конницы «худых лошадей» и замена их «лошадьми добрыми» (табл. 2).

Как видим, в 1621 г. на долю «худых лошадей» типа меринок и меринца приходилось 61,3%, преобладающим типом боевой ло-

Таблица 2

Оснащенность новгородских дворян и детей боярских боевыми лошадьми в 1621 — 1638 гг.

Типы боевых лошадей (без запасных)	1621 г.		1631 г.		1638 г.	
	дворян и детей боярских		дворян и детей боярских		дворян и детей боярских	
	кол — во	%	кол — во	%	кол — во	%
Конь добрый	—	—	12	1,2	7	1,2
Конь	73	20,6	410	42,4	125	21,8
Мерин добрый	14	4,0	53	5,5	81	14,2
Мерин	50	38,7	333	34,5	285	49,8
Меринок	116	32,8	159	16,4	65	11,4
Меринец	101	61,3	—	—	9	1,6
Итого	354	100,0	967	100,0	572	100,0

пшад был меринок. Да, можно только догадываться, что же было с оснащенностью лошадьми в среде новгородского дворянства до июльской 1621 г. денежной раздачи... Последующие финансовые вливания в служилые города привели к коренному изменению ситуации. Теперь, т. е. уже в 1631 г., наблюдалось полное преобладание «лошадей добрых». На их долю приходилось 83,6%, а наиболее распространенным типом боевой лошади новгородского служилого человека к этому времени стал конь — 42,4%. Через 7 лет преобладание «лошадей добрых» достигло 87%. Правда, применительно к 1638 г. преобладающим типом боевой лошади под седлом новгородского служилого человека был мерин — 49,8%. Вот так, с пользой для службы, новгородские служилые города использовали дотационную политику правительства и наступившее в 1630-х годах оживление помещичьих хозяйств.

Теперь о «людности» дворянской конницы, т. е. о ее обеспеченности боевыми холопами. Известно, что по норме Уложения о службе 1556 г. каждый помещик с 10-ти крестьянских дворов (100 четей земли) обязан был выставить в поход в полном снаряжении одного конного холопа. По меркам середины XVI в. вместе с провинциальным служилым человеком в боевой поход обычно поднимались по 2—3 конных холопа. Иная ситуация наблюдалась в послесмутное время. В 1621 г. почти 80% готовых к конной службе дворян и детей боярских не имело средств снарядить на службу хотя бы одного боевого холопа (табл. 3). Остальные помещики могли выставить в поход одного (16,4%), двух (3,7%) и, максимум, трех (0,3%) человек. Через 10 лет при значительно возросшем уровне готовности к конной службе самих помещиков можно было бы ожидать роста и показателя «людности» их службы. Однако в реальности в канун Смоленской войны этот показатель понизился в 2,4 раза. Теперь только 8,5% служилых людей оказалось в состоянии выйти на службу с боевыми холопами. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что в условиях почти всеобщей разоренности поместий и вотчин государева денежного жалованья едва хватало на обеспечение **личной конной службы помещиков**. И только по мере оживления хозяйств, насыщения их крестьянскими и бобыльскими дворами, положение дел стало меняться к лучшему. Так, доля тех служилых людей, кто не мог снарядить в поход ни одного холопа, понизилась к 1638 г. до 51,2%, т. е. теперь почти каждый второй помещик служил не только «конно и оружно», но и «людно». Чаще всего выступалось на службу по одному холопу — 39,5%. В 8,2% случаев дворяне могли снарядить на службу по 2—3 человека. Вновь появились уже давно забытые примеры справной, «добрый» службы, когда дворянин мог явиться в поход в сопровождении 4-х, 5-ти и даже 6-ти «людей». В основе такой службы всегда была хо-

Таблица 3
Обеспеченность конной службы новгородских дворян и детей боярских боевыми холопами в 1621—1638 гг.

Кол-во выставленных в поход боевых холопов	1621 г.				1631 г.				1638 г.			
	дворян и детей боярских		у них боевых холопов		дворян и детей боярских		у них боевых холопов		дворян и детей боярских		у них боевых холопов	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
0	282	79,6	—	—	884	91,5	—	—	293	51,2	—	—
1	58	16,4	58	66,7	71	7,3	71	73,2	226	39,5	226	63,1
2	13	3,7	26	29,9	10	1,0	20	20,6	36	6,3	72	20,1
3	1	0,3	3	3,4	2	0,2	6	6,2	11	1,9	33	9,2
4	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,7	16	4,5
5	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,2	5	1,4
6	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,2	6	1,7
Итого	354	100,0	87	100,0	967	100,0	97	100,0	572	100,0	358	100,0

рошая обеспеченность поместий и вотчин крестьянами и бобылями, трудом которых только и могла состояться «добрая» ратная служба помещиков. Вот несколько тому примеров из разборных десятен 1638 г. Помещик Водской пятины Яков Матвеев сын Муравьев, служивший по дворовому списку, имел поместный оклад 600 чети, а денежный оклад — 40 руб. из Чети. На смотре он «сказал поместья за ним и вотчины 495 чети, а крестьянских и бобыльских 50 дворов. На государеве службе будет на коне да человек с простою лошадью. Бою пара пистолей да карабин, да сабля, да пансырь, да шапка мисюрка. Да человек за ним на мерине с пищалью з долгою, да 4 человека в кошу с пищальми да с рогатины».¹³ Как видим, Яков Муравьев вместо положенных по нормам Уложения о службе 5-ти человек сумел выставить 6 боевых холопов, в том числе 2-х конных. В основе его служебной добротности были прежде всего 50 крестьянских и бобыльских дворов. Помещик Бежецкой пятины князь Роман княж Иванов сын Путятин также служил по дворовому списку с поместным окладом 550 чети, а с денежным окладом в 20 руб. из Чети. Характеристика его имущественного и служебного состояния выглядит следующим образом: «сказал поместья за ним в дачах 416 чети с третником, а крестьян и бобылей 30 семей. Да в вотчине — 80 чети да крестьян и бобылей 12 семей. А на государеве службе будет на коне на добром, да конь в простых. Бою 2 пистолы да карабин, да сабля, да латы, да шишак. Да 2 человека на конех з боем: с карабинами да с саблями. Да 3 человека в кошу с пищальми з долгими».¹⁴ И здесь в основе благополучия выступало наличие в поместье и в вотчине 42-х семей крестьян и бобылей, что позволило помещику иметь одного хорошего коня под седлом, другого в качестве запасного, хорошо вооружить себя самого и своих 5-х холопов, в том числе 2-х конных. И еще один яркий пример из того же ряда. Помещик Обонежской пятины Степан Елизарьев сын Корсаков служил по дворовому списку с «отцова» поместного оклада в 500 чети и с денежного в 10 руб. из Чети. Поместья за ним в даче было 505 чети, крестьян и бобылей — 38 семей. На государеву службу был готов выйти «на коне да конь в простых. Бою 2 пистолы да карабин, да сабля, да збруи на себе — бехтерец да шишак. Да человек, которой с простой лошадью. Бою у человека пищаль долгая. Да 3 человека в кошу, а бою по пищали по долгой у дву, а у третьего — рогатина да топор».¹⁵

Таким образом, приведенные выше примеры, а также анализ всей совокупности данных разборных десятен 1638 г. показывают, что к концу 1630-х годов проявились черты процесса восстановления поместной системы, т. е. системы, призванной обеспечивать военную службу дворян за счет крестьянских платежей. Но темпы процесса оставляли желать лучшего. Положение подавляющей части провин-

Таблица 4
Общая характеристика службы боевых холопов
в 1621 — 1638 гг.

Категории боевых холопов по роду их службы	1621 г.		1631 г.		1638 г.	
	холо- пов	%	холо- пов	%	холо- пов	%
Служилые	7	8,0	18	18,6	10	2,8
С господскими запасными лошадьми	8	9,2	79	81,4	44	12,3
Кошевые	72	82,8	—	—	304	84,9
Итого	87	100,0	97	100,0	358	100,0

циального дворянства продолжало оставаться бедственным. Именно бедность служилых людей долгое время еще сдерживала рост темпов восстановления боеспособности поместного войска.

Об этом позволяет судить и общая характеристика службы боевых холопов. Да, к концу 1630-х годов обеспеченность ими дворянской конницы повысилась, их численность выросла, как минимум, в 4 раза. Но уровень их оснащенности лошадьми и вооружением оставался невысоким (табл. 4.)

В 1638 г. только 15% боевых холопов служило конную полковую службу. Большая же их часть, как и 17 лет назад, могла нести только кошевую, т. е. обозную, заградительную службу.

Намного лучше обстояли дела с вооруженностью дворян и их боевых холопов. Выявленные показатели «оружности» новгородских служилых городов в изучаемый период (табл. 5) позволяют уловить суть глубинных процессов, происходивших в недрах поместной системы.

Смотр боеготовности служилых городов 1621 г. показал, что в основе тогдашнего вооружения дворянской конницы — почти на 95% — было огнестрельное оружие в сочетаниях с другими видами вооружения и, прежде всего, и непременно, с колющим и рубящим холодным оружием — с саблями. Доля же помещиков, вооруженных только саадаком (лук, стрелы, футляр для лука и колчан для стрел) и саблей в это время составляла 5,2%. Саадак в качестве дополнения к огнестрельному оружию и сабле встречался еще в 2,8% случаев. Общий же показатель применения древнейшего метательного оружия — лука — 8% говорит о завершавшемся процессе его вытеснения из вооружения поместной конницы. Теперь самым

распространенным комплектом оружия, определявшим облик и вооруженность поместного всадника, были пищаль и сабля — 83,9%. Заметной в это время стала прослойка дворян, вооруженных легким огнестрельным оружием — пистолями (в сочетании с другими видами вооружения) — 6%.

В ходе подготовки поместной конницы к Смоленской войне жестко проявилась тенденция к полному преобладанию в вооружении дворян и детей боярских тяжелого огнестрельного оружия — 98,9%. При этом определяющим комплектом «оружности» конного помещика в 1631 г. стали 2 пищали и сабля — 78,7%. Симптоматично было и появление всадников, вооруженных сразу 3-мя пищальями. Вероятно, в основе такой перемены в вооруженности поместной конницы лежала мысль о необходимости создания ее повышенной огневой мощи в условиях длительного предстоящего «выкуривания» польских захватчиков из Смоленска.

Так или иначе, но после Смоленской войны ситуация коренным образом изменилась. Главным содержанием перемен в вооружении поместной конницы в данный период стал курс на создание на ее основе мобильных, легковооруженных конных формирований. К 1638 г. добрая половина пути в этом направлении была уже пройдена. Теперь на долю легковооруженных всадников, вооружение которых составляли карабины, пистолы и сабли (только в одном случае вместо сабли был палаш), приходилось 71% дворян и детей боярских новгородских служилых городов. Совсем исчезла вооруженность 3-мя пищальями, близкой к полному вытеснению оказалась вооруженность помещиков 2-мя пищальями. Заметной еще оставалась прослойка конников, вооруженных 1-й пищалью в сочетании с другими видами оружия — 27,4%. Что же касается такого оружия как саадак и чекан (вид боевого топора с клиновидным лезвием), то они теперь выступали в качестве экзотического и встречались только у 0,5% всадников. Самым же распространенным комплектом оружия среди новгородских дворян и детей боярских в это время были: карабин, пистоль и сабля — 39,9%. К нему примыкал также комплект из карабина, 2-х пистолей и сабли — 7,5%. Так торился новый путь в развитии русской поместной конницы, путь к созданию на ее основе «полков нового строя» — рейтарских и гусарских.

Перевооружение поместной конницы, начавшееся после Смоленской войны, привело у улучшению вооруженности боевых холопов за счет передачи помещиками части личного оружия своим слугам-соратникам. Вооружение конных слуг мало чем отличалось от помещичьего и состояло как из огнестрельного, так и холодного оружия. Иначе и быть не могло, так как от взаимодействия в боевых условиях холопов со своими помещиками на равных зависела их общая безопасность. Несколько по-другому обстояли дела с во-

Таблица 5
Вооруженность конных новгородских дворян и детей боярских
в 1621—1638 гг.

Комплекты оружия	1621 г.		1631 г.		1638 г.	
	дворян и детей боярских		дворян и детей боярских		дворян и детей боярских	
	кол — во	%	кол — во	%	кол — во	%
3 пищали*, сабля	—	—	20	2,1	—	—
2 пищали, карабин, сабля	—	—	—	—	1	0,2
2 пищали, сабля	11	3,2	761	78,7	5	0,9
Пищаль, карабин, сабля	—	—	—	—	7	1,2
Пищаль, 2 пистолы, сабля	—	88,8	—	98,8	6	1,0
Пищаль, пистоль, сабля	—	—	—	—	23	4,0
Пищаль, саадак, сабля	5	1,4	—	—	1	0,2
Пищаль, копье, сабля	1	0,3	—	—	—	—
Пищаль, сабля	292	83,9	175	18,1	120	21,0
Карабин, 2 пистолы, сабля	—	—	—	—	43	7,5
Карабин, пистоль, сабля	—	—	2	0,2	227	39,7
Карабин, пистоль, палаш	—	—	—	—	1	0,2
Карабин, сабля	—	—	—	—	120	21,0

Комплекты оружия	1621 г.		1631 г.		1638 г.	
	дворян и детей боярских		дворян и детей боярских		дворян и детей боярских	
	кол — во	%	кол — во	%	кол — во	%
2 пистолы, саадак, сабля	1	0,3	—	—	—	—
2 пистолы, сабля	14	4,0	3	0,3	1	0,2
Пистоль, саадак, сабля	4	1,1	1	0,1	—	—
Пистоль, сабля	2	0,6	—	—	14	2,4
Саадак, сабля	18	5,2	4	0,4	2	0,3
Рогатина, сабля	—	—	1	0,1	—	—
Чекан, сабля	—	—	—	—	1	0,2
Итого	348	100,0	967	100,0	572	100,0

* В данной таблице пищали представлены обобщенно без указания их типов.

Таблица 6
Вооруженность кошевых людей в 1638 г.

Комплекты оружия	Кол — во	%	
Пищаль долгая, рогатина, топор	9	37,4	3,0
Пищаль долгая, топор, сабля	2		0,7
Пищаль долгая, рогатина	19		6,2
Пищаль долгая, топор	43		14,1
Пищаль догая, сабля	7		2,3
2 пищали долгие	1		0,3
Пищаль долгая	33		10,8
Пищаль, рогатина, топор	7	19,1	2,3
Пищаль, топор, сабля	3		1,0
Пищаль, рогатина	10		3,3
Пищаль, топор	20		6,6
Пищаль, сабля	3		1,0
Пищаль	15		4,9
Рогатина, топор, сабля	2		43,5
Рогатина, топор	107	35,2	
Рогатина, сабля	3	1,0	
Рогатина	14	4,6	
Копье, топор	1	0,3	
Топор, сабля	2	0,7	
Топор	3	1,0	
Итого	304	100,0	

оруженностью кошевых людей. Их оружие должно было быть приспособленным к оборонительным действиям. Поэтому значительная часть прежнего помещичьего тяжелого вооружения перешла в руки кошевых людей. Как видно из табл. 6, единственным видом огнестрельного оружия у кошевых людей была пищаль. При этом преобладали пищали длинноствольные ("долгие") — у 37,4% от общей численности обозников. Общий же уровень обеспеченности огнестрельным оружием охватывал 56,5% кошевых людей. Вооруженность кошевых холопов только холодным оружием составляла

43,5%. Самым распространенным комплектом холодного оружия здесь были рогатина (широкое копьё на длинном древке) в сочетании с боевым топором. Так было вооружено 35,2% кошевых холопов. Полученные данные о вооруженности холопов на примере новгородских служилых городов свидетельствуют о высоком уровне боевой мощи холопских формирований в рамках поместного войска. Невольно приходят на память события Смутного времени, связанные с холопскими восстаниями и движениями.

И, наконец, о «сбруйности», т. е. обеспеченности служилых людей доспехами. Говорить на эту тему и легко и трудно. Легко потому, что защитного вооружения у большинства помещиков в изучаемый период не было совсем. Так, в 1621 г. из 354 конных дворян и детей боярских только у 5-ти человек (1,4%) были доспехи: у одного — кольчуга и шишак; у трех по панцирю; а еще у одного был только шлем ("шелом"). Еще безнадежнее ситуация была в 1631 г., когда из 967 конных служилых людей только 5 человек (0,5%) могли выйти в боевой поход с доспехами: 3 человека в латах и шишаках; 1 человек в бахтерце; и еще 1 человек в панцире. К 1638 г. обеспеченность доспехами помещиков несколько улучшилась, но все же оставалась неблагоприятной: только у 2,6% от общей численности конных дворян и детей боярских имелись доспехи. 1 человек был облачен в латы и шишак, 1 человек — в латы; 1 человек — в панцирь и шишак, 3 человека — в панцири и шапки мисюрки, 5 человек — в панцири, 1 человек — в бахтерец и шишак, 1 человек — в кольчугу, 1 человек — в "доспехи" и шапку мисюрку, об одном же человеке просто сказано, что он будет "в збруе". Примечательно, что на смотре 1638 г., впервые в рассматриваемый период, только один помещик заявил, что его холоп будет на службе в кольчуге и в шапке мисюрке. Вот такой удручающей была ситуация. В этом-то и состоит трудность рассуждений по данному вопросу. В подобных случаях, когда в очередной раз обнаруживаешь факты бедности и незащищенности самих защитников государства, трудно соблюсти академическую невозмутимость. Но и в этом плане через некоторое время был взят единственно верный курс: обеспечение служилых людей защитным вооружением стало производиться из казны Разрядного приказа.

Таким образом, динамика количественных и качественных изменений, происходивших в поместной системе в первые десятилетия после Смуты, позволяет увидеть новые горизонты в изучении данной проблемы. Процесс восстановления поместной системы в первой половине XVII в. не следует понимать как простое поднятие боеготовности служилых городов до уровня прежней их мощи, т. е. до уровня середины XVI в. Это явление представляется весьма сложным. Главным же содержанием этого процесса, начавшегося после

Смуты, стало постепенное, обусловленное, как мы видели на примере новгородских служилых городов, множеством факторов, превращение структур служилых городов в структуры конницы нового строя, т. е. более легкой и мобильной. Как показывают массовые материалы десятилет 1660–1670-х годов, поместная конница ко второй половине XVII в. стала уже глубоко реформированной. Со временем в ней все меньше и меньше оставалось места прежней сотенной службе помещиков. На смену сотенной службе в повседневность служилых городов приходила служба помещиков в отрядах рейтар, копейщиков и гусар. К концу же XVII в. на основе служилых городов по сути дела уже были сформированы структуры регулярной конницы со значительным сектором материального обеспечения конной службы дворян из государственной казны, т. е. тогда свое логическое завершение получили те подходы, которые были найдены правительством Романовых в чрезвычайных условиях первых десятилетий после Смуты.

---

¹Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские Чтения. СПб., 1994. С. 87.

²Там же. С. 84.

³Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от "смутного времени" до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 177–180.

⁴РГАДА. Ф. 210, (Разрядный приказ. Дела десятилет). Кн. 131, Л. 3.

⁵Воробьев В. М. Из истории поместного войска ... С. 87.

⁶РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ. Дела десятилет). Кн. 135, Л. 164.

⁷Там же. Кн. 140, Л. 1.

⁸Там же. Кн. 133, 134, 135, 287.

⁹Там же. Кн. 137.

¹⁰Там же. Кн. 140.

¹¹Акты Московского государства. Т. 1. №2. СПб., 1890.

¹²РГАДА. Ф. 210. Кн. 133. Л. 31.

¹³Там же. Кн. 140, Л. 8–8 об.

¹⁴Там же. Л. 179.

¹⁵Там же. Л. 281.